

СУД ПРИСЯЖНЫХ

Рубен Маркарьян

Адвокат. Кандидат юридических наук
Заместитель президента Вильдиз российских адвокатов
Председатель Совета Юридической корпорации "РУСИЧ"
Член Общественного совета при Министерстве юстиции РФ
Главный редактор Электронного СМИ "ЗАКОНИЯ"

особенности процесса
и секреты успешного
выступления в прениях

Рубен Валерьевич Маркарьян

Суд присяжных. Особенности

процесса и секреты успешного

выступления в прениях

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9962659

*Суд присяжных. Особенности процесса и секреты успешного
выступления в прениях. / Маркарьян Р.В.: Центрполиграф; Москва;
2015*

ISBN 978-5-227-05552-1

Аннотация

Настоящее издание посвящено исследованию уголовно-процессуальных проблем, связанных с доказыванием в суде присяжных, и подробно рассматривает правовые, психологические, бытовые аспекты этой новой для наших соотечественников юридической институции. Исключительное значение книге придает то обстоятельство, что ее автор – адвокат, кандидат юридических наук – рассматривает сложные вопросы судебной практики, исходя из собственного опыта участия в подобных процессах, а также на основе длительной работы в популярной программе НТВ «Суд присяжных». Информация предназначена для научных и практических

работников, адвокатов, преподавателей и студентов юридических вузов и самого широкого круга читателей.

Содержание

Об этой книге и ее авторе	6
Предисловие	10
Введение	16
Глава 1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	48

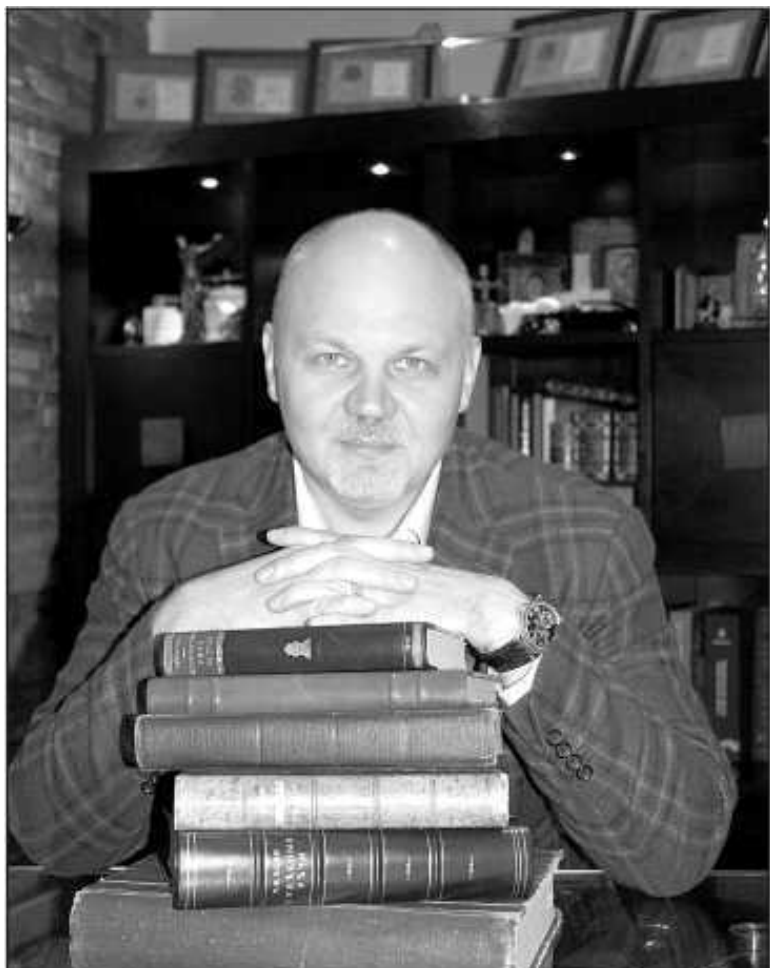
**Рубен Валерьевич
Маркарьян
Суд присяжных.
Особенности процесса
и секреты успешного
выступления в прениях**

*150-Летию
посвящается*

российской

адвокатуры

Об этой книге и ее авторе

Предлагаемая вниманию читателей книга адвоката Рубена Маркарьяна о выступлении перед присяжными – это не простое учебное пособие для студентов и практикующих адвокатов. Это абсолютно новый формат, дающий возможность с увлечением читать научный текст учебника судебной риторики, будто отснятый на видеопленку и показанный на экране телевизора. Автору удалось добиться того эффекта, которого он неоднократно добивался в течение нескольких лет участия в телевизионном проекте НТВ «Суд присяжных», а именно – быть понятым людьми.

Использование Рубеном Маркарьяном оригинальных трудов мэтров российской адвокатуры П. Сергеича (Пороховщикова), Федора Плевако, Анатолия Кони, Сергея Андреевского, классиков мировой юриспруденции, философии и культуры Марка Туллия Цицерона, Марка Фабия Квинтилиана, Артура Шопенгауэра, Иоганна Вольфганга фон Гёте, Федора Достоевского, Франца Кафки, Фридриха Ницше, Р. Гарриса умело сочетается при изложении материала с живыми примерами из реальной адвокатской практики, современными телевизионными правовыми проектами, сериалами, кино-и мультипликационными фильмами.

Автор удачно проводит параллели между столетиями, просто и со здоровой долей юмора играет с читателем, который, сам того не замечая, черпает академические знания под видом «мыльной» оперы. Редкий дар Рубена Маркарьяна го-

ворить просто о сложных вещах, принеся ему заслуженный успех в судах реальных и постановочных, в этой книге проявляется особенно ярко.

Кандидат юридических наук, адвокат с многолетним опытом работы и сотнями судебных дел за плечами, благодаря просветительскому телепроекту получил уникальную возможность заглянуть в святая святых – комнату совещания присяжных, обычных людей, выносящих ненастоящий вердикт по-настоящему.

Так как институт суда присяжных в России очень молод, то корифеями присяжной адвокатуры могут считаться уже те из нас, кто прошел более трех процессов с присяжными. Но никто не может сказать с уверенностью, как доводы адвоката отразились на решении присяжных, почему они пришли к тому или иному выводу. Ориентироваться на результат «виновен» – «не виновен» для оценки убедительности речи адвоката можно лишь условно, ведь механизм принятия решения остается за кадром.

И надо отдать должное Рубену Маркарьяну, он не только не скрыл от коллег свой многолетний опыт раскрытия тайны совещательной комнаты, но и обобщил его, проанализировал с использованием научных методов, сравнил результаты с трудами классиков и в виде готового инструмента дал читателям. Причем автор не ограничился лишь риторическими приемами, он описывает весь арсенал адвоката в процессе – от одежды до положения рук и глаз.

Некоторые методики и упражнения, предлагаемые автором, просто уникальны и достойны того, чтобы применять их на практике.

Книга, несомненно, вызовет интерес не только специалистов, студентов юридических вузов, людей, готовящихся выступать перед присяжными, но и всех тех, кто хочет научиться свободно говорить перед любой аудиторией.

Предисловие

В начале второй части романа Ф.М. Достоевского «Идиот» есть сцена, в которой князь Мышкин возвращается после шестимесячного отсутствия в Санкт-Петербург и приходит в дом Лебедева, где встречает его самого и его племянника, просящего в долг денег и третий день лежащего на диване по этому поводу. Племянник Лебедева жалуется князю:

«Верите ли, князь, теперь он [Лебедев] вздумал адвокатством заниматься, по судебным искам ходить; в красноречие пустился и все высоким слогом с детьми дома говорит. Пред мировыми судьями пять дней тому назад говорил. И кого же взялся защищать: не старуху, которая его умоляла, просила и которую подлец ростовщик ограбил, пятьсот рублей у ней, все ее достояние, себе присвоил, а этого же самого ростовщика, Зайдлера какого-то, жида, за то, что пятьдесят рублей обещал ему дать...

– Пятьдесят рублей, если выиграю, и только пять, если проиграю, – объяснил вдруг Лебедев совсем другим голосом, чем говорил доселе, и так, как будто он никогда не кричал.

– Ну и сбрендил, конечно, не старые ведь порядки-то, только там насмеялись над ним. Но он собой ужасно доволен остался; вспомните, говорит, нелицеприятные господа судьи, что печальный старец, без ног, живущий честным тру-

дом, лишается последнего куска хлеба; вспомните мудрые слова законодателя: “Да царствует милость в судах”. И верите ли: каждое утро он нам здесь эту же речь пересказывает, точь-в-точь как там ее говорил; пятый раз сегодня; вот перед самым вашим приходом читал, до того понравилось. Сам на себя облизывается».

Великий российский юрист П.С. Пороховщиков (псевдоним П. Сергеич) в 1910 г. издал замечательный труд «Искусство речи на суде». Вряд ли можно будет лучше систематизировать знания из этой части ораторского искусства, нежели чем это сделал он, все последующие учебные пособия по этой теме в любом случае будут плагиатом в той или иной степени. Можно лишь дополнить созданную систему своими знаниями, опытом и выводами. Я бы никогда не взялся за эту задачу, если бы не мое участие в проекте НТВ «Суд присяжных».

П. Сергеич поместил в конце своей книги следующий абзац, который я, по понятным причинам, помещаю в самом начале:

«Я заметил, что многие читатели любят запоминать последнюю страницу книги; обращаю поэтому свой последний совет и к обвинителю, и к защитнику.

Прежде чем говорить на суде, скажите вашу речь во вполне законченном виде перед „потешными” присяжными. Нет нужды, чтобы их было непременно двенадцать; довольно трех, даже двух, но важен выбор: посадите перед собой вашу

матушку, брата-гимназистика, няню или кухарку, денщика или дворника. Сказать речь перед такими судьями необыкновенно трудно. Если вы этого не испытали, то и представить себе не можете, как это мудрено. Такое упражнение, пожалуй, покажется вам смешным; испытайте, и вы оцените его пользу. Если ваша речь окажется хороша, то есть будет понятна и убедительна перед „потешными“, то и настоящие присяжные будут в вашей власти».

Мне часто задают вопросы, касающиеся участия в телепроекте «Суд присяжных». Один из них, наиболее распространенный, звучит так:

«„Суд присяжных“ на НТВ помогает Вам в адвокатской практике?»

Отвечаю: Еще как! Мало кто знает, но в сценарии программ включаются только те элементы, которые обязательны и для настоящего суда: показания свидетелей, заключения экспертиз, вещественные, письменные и видеодоказательства. На роль присяжных – и это тоже как в реальности – методом случайной выборки набираются 12 человек «с улицы», которые не знают сценария. Шоу со всей его непредсказуемостью разыгрывается не только перед телезрителем, но и перед ними. Прокурор и адвокат вправе опротестовывать вопросы или замечания друг друга, невзирая на то что реплики сторон прописаны в сценарии. Позицию для выступления в прениях и прокурор, и адвокат (заранее или по ходу действия) готовят сами, и задача каждого из них – убе-

дить коллегию присяжных именно в своей правоте. А присяжные удаляются в совещательную комнату и выносят свой вердикт, руководствуясь лишь тем, что увидели и услышали. В это время их снимает камера, и самые интересные фразы из обсуждения попадают в эфир программы в виде нарезки. Но главное – в этом проекте я, адвокат, могу через монитор в операторской заглянуть в комнату совещания присяжных. Это категорически исключено в реальном суде. То есть я могу тут же оценить, какое впечатление произвела на присяжных речь, с которой мы с «прокурором» выступали пять минут назад. Что сказали правильно, где перегнули палку, а где попали в точку.

«Это же бесценный опыт! – как сказал один мой коллега, когда я как-то поделился с ним происходящим на съемках „Суда присяжных“. – Ты просто обязан написать книгу и поделиться этим опытом!!!»

И ведь он прав, это, несомненно, значимый опыт – мне довелось так «подсматривать» в совещательную комнату примерно... 400 раз, может, и больше. Это все равно что 400 тренировок летчика на тренажере по отработке взлета и посадки. Это, говоря языком П. Сергеича, сотни выступлений перед «потешными» (внесудебными, тренировочными) присяжными, которые были не просто молчаливыми слушателями, а все-таки такими же «внесудебными» судьями.

Однако книга – это не интервью. Это кропотливый труд; наблюдения и выводы нужно систематизировать, чтобы кол-

леги-адвокаты не высмеяли. Опять же, эта книга задумана как учебное пособие, которое может пригодиться и студенту юридического вуза, и обычному читателю, далекому от юриспруденции. Мало ли что? Кто застрахован от тюрьмы и от сумы?

Поэтому в такой книге хотелось не «умничать», а писать «по уму». Адвокатов вообще не надо учить праву. Я лишь хотел предложить коллегам инструментарий, освоить который по воле случая довелось самому и который может пригодиться в судебных процессах с участием присяжных. Поскольку и в реальном суде, и в суде телевизионном присяжные, в общем-то, одни и те же люди. Их логика в подходе к поиску решения в принципе одинакова. Может, часть моих «психологических заметок» кто-то и возьмет на вооружение.

Кстати, совсем недавно я осознал значимость того, что делаю больше шести лет в телепроекте. Я «играю» (создаю экранный образ) адвоката, оставаясь при этом действующим профессионалом. Поначалу для меня это было хобби. Но за время моего присутствия в кадре выросло целое поколение молодых людей, как это ни пафосно звучит. Мне часто приходят письма примерно с такими словами: «Я начал смотреть вашу передачу вместе со своим дедушкой, когда мне было 12 лет. Благодаря вашему примеру решил теперь пойти в юридический...» Или еще: «Мы всей семьей смотрим "Суд присяжных", наш сын начал лучше учиться, хочет тоже стать адвокатом, спасибо вам.»

То, что я делаю в настоящих судах, отстаивая чьи-то доброе имя или интересы, это, безусловно, первостепенно, но для меня также важно, что моя роль адвоката в «телевизионном» суде стала для кого-то ориентиром, помогла определиться с выбором профессии. И как знать, вдруг из зрителя, начавшего шестикласником смотреть «Суд присяжных», где мы пытаемся показать идеальный суд, вырастет известный юрист, этакий современный Гаврила Державин, который, вполне возможно, сделает для России и общества гораздо больше, чем я, адвокат с экрана. Но ведь он станет юристом, потому что увидит настоящий пример. И если мой опыт, перенесенный на бумагу, поможет кому-то отстоять свое доброе имя в суде – разве это не здорово?

Введение

Как устроена книга и как по ней учиться?

Конечно, в книге будут даны немного истории и нормативный материал о суде присяжных. Его обязательно надо прочесть тому, кто впервые сталкивается с этим правовым институтом и собирается сдавать экзамены или идти в суд. Я не буду сознательно касаться вопросов подбора присяжных, так как этому посвящено большое количество литературы, особенно западной. Для подбора присяжных в Великобритании и США серьезные юридические фирмы нанимают отдельных специалистов и платят им огромные деньги. Мы не будем касаться этих вопросов, и прежде всего потому, что в телепроекте «Суд присяжных» я к подбору присяжных никакого отношения не имел. Этим занимался шеф-редактор «по присяжным», и единственное, что я просил у него, – это перед началом съемки-заседания готовить мне список с именами присяжных, годом рождения и их специальностью (профессией), даже если присяжный – пенсионер. И хотя присяжные в телепроекте имели право говорить неправду (просто выдумывать себе профессию или даже имя), тем не менее основная масса давала верные сведения о себе, что очень помогало в построении речи. Ниже отдельно остановлюсь на

этом моменте подробно.

Я не очень много расскажу о порядке допроса свидетелей и иных участников процесса. Очень подробно этот вопрос изучен и описан английским адвокатом Харрисом в его замечательной книге «Школа адвокатуры». Рекомендую всем юристам, сталкивающимся с допросом свидетеля, эту книгу прочесть. В телепроекте «Суд присяжных» на НТВ свидетелей нет смысла «пытать», это – артисты, они на месте преступления не были и ничего сказать не могут. У них есть текст. Хотя мы как-то выпросили у режиссера иметь возможность отступать от текста, не меняя его смысла, и задавать вопросы, придавая им определенную окраску. И еще нам можно иногда задавать вопрос, не требующий ответа, риторический, с тем чтобы произвести на присяжных впечатление. Но как раз это-то и важно для целей настоящей книги: как воздействовать на 12 абсолютно незнакомых человек. Чтобы повествование не выглядело слишком куцым для учебного пособия, я, конечно же, поделюсь опытом допроса свидетелей из практики настоящих, а не телевизионных судебных процессов, а также моим опытом общения с британскими адвокатами, проводящими со свидетелями тренинги перед допросом.

В большей степени я постараюсь рассказать о подготовке и произнесении речи. Книгу П. Сергеича «Искусство речи на суде» я внимательно (как говорится, с карандашиком) прочел после того, как снялся в нескольких десятках серий

«Суда присяжных», с целью совершенствования теоретических знаний. И обнаружил, что то, что написано Пороховщиковым, я применяю в своей речи, даже не помня особо из курса юридического вуза, что это психологические приемы, которые он описал в 1910 г. и даже дал им названия (в свою очередь, почерпнув их из курса психологии). То есть, не читая до этого его учебник в оригинале, я поступал в основном правильно. Может, поэтому часто и выигрывал эти «тренировочные процессы». Конечно, я узнал для себя много нового из книги П. Сергеича, а кое с чем не согласился. Это и неудивительно, ведь он писал трактат о речи российского присяжного поверенного своего времени, выступающего перед присяжными того общества царской России, которое существенно отличается от нынешнего общества России XXI в. И образование сейчас у людей лучше, и медицина и криминалистика шагнули далеко вперед, да и роль СМИ, телесериалов про полицейских и криминальные программы сделали свое дело – присяжные стали разбираться во всем, их просто на «пожалейте» не возьмешь!

Поэтому, пусть меня простят читатели, но, ссылаясь в значительной мере на мысли П. Сергеича (а он, в свою очередь, на Цицерона, Гарриса и других ораторов), я позволю себе критику его труда, что обусловлено лишь необходимостью устранить 100-летнюю погрешность изучения и систематизации темы.

Для того чтобы читатель проникся серьезностью моего

подхода к написанию этого учебного пособия, открою секрет: при подготовке я использовал не электронный текст произведения известных юристов, в том числе самого П. Сергеича, а оригинальные прижизненные издания, которые имеются в моей коллекции антикварных книг. Конечно, у меня не было прижизненных изданий Цицерона и Квинтилиана, но цитаты из них взяты были из пожелтевших и особо пахнущих страниц книг П. Сергеича, С. Андреевского, А. Кони, Ф. Плевако. Не знаю, как вам, но мне кажется, что я чувствую какую-то особую энергетику, когда работаю именно с таким материалом, а не с электронными буквами экрана монитора персонального компьютера.

Что такое суд присяжных? Прежде чем начать представлять материал для осмысления и усвоения, я бы хотел привести здесь уместную, на мой взгляд, мысль замечательного русского юриста Кони, чтобы с этой мыслью вы и двигались дальше по страницам этой книги, начиная от истории возникновения института суда присяжных и заканчивая размышлениями о нравственной свободе выступающего перед ними оратора.

Присяжный – это тот же судья, который должен в своих выводах основываться не на временных и переходящих впечатлениях, а на вечных и неизменных началах правосудия.

«Забывая мудрый совет глубокого мыслителя и юриста Бентама, указывающего, что, исполняя свой долг, судья должен иногда идти против вожаемой толпы, говоря себе:

“populus me sibilat, at ego mihi plaudo!”¹”, – судья, боясь общего недовольствия, утраты популярности и трудной аналитической работы ума, может пожелать во мнении пестрого и волнующегося большинства легкий и успешный исход для своей заглушенной на время совести и умыть себе руки. Такие судьи бывали, и имена некоторых приобрели себе бессмертие. В одной старой и чудной книге, пережившей века, рассказан процесс, произведенный таким судьей и под влиянием таких указаний... Судью звали Понтий Пилат.

Иногда, не вдумавшись глубоко в смысл судебной деятельности присяжных заседателей, в них хотят видеть представителей общественного мнения по данному делу. Это совершенно ошибочно. Было бы очень печально, если бы присяжные приносили в суд это уже заранее сложившееся мнение, – мнение, которое чрезвычайно подвижно, склонно увлекаться, бывает бессознательной игрушкой в руках своих развратителей или ловких агитаторов, сегодня превозносит то, что вчера топтало в грязь, – и, будучи часто справедливым в своих вкусах, иногда бывает жестоко несправедливо в поверхностной оценке фактов и побуждений. Недаром закон предостерегает присяжных от мнений, сложившихся вне стен суда, и вносит это предостережение в текст их присяги. Те, кто разделял трудные судебские обязанности с присяжными, знают, что последние служат не представителями мимолетного мнения плохо осведомленной массы, а явля-

---

¹ Народ меня освистывает, но сам я себе рукоплещу (лат.).

ются выразителями общественной совести, веления которой коренятся в глубине правового мирозерцания народа и в каждом данном случае применяются к оценке совокупности всех обстоятельств дела».

Итак, главная мысль, с которой читатель должен пройти по страницам этой книги, заключается в том, что присяжные заседатели – это не коллегия из 12 человек. Это общественная совесть, и дело вам предстоит иметь с ней, а не с дюжиной мужчин и женщин разных возрастов и социальных групп.

Глава 1

История института присяжных и немного грусти о дне сегодняшнем

Судом присяжных (Jury, Geschworne) исторически называется – в отличие от судов коронных судей, шеффенов и сословных представителей – суд, творимый при участии представителей всех слоев общества, удовлетворяющих определенным личным и имущественным требованиям и выбираемых по жребии из особо заготовленных списков. Причем, по общему правилу, эти выборные представители решают вопросы о событии преступления, о вине или невиновности подсудимого, о его вменяемости и об особо увеличивающих или уменьшающих его ответственность обстоятельствах, а судебная коллегия – или один председательствующий судья – применяют к этому их решению уголовный закон.

Вряд ли имеет смысл искать корни суда присяжных в древнейших учреждениях непосредственного народного суда, в котором политическая сторона почти совершенно заслоняла сторону правовую. Такими судами были: суд гелиастов в Афинах, в иных заседаниях которого участвовало до трех тысяч голосующих граждан, достигших тридцатилетнего возраста; *quaestiones perpetuae* в Риме под руководством претора; некоторые виды народно-судебных сходок у

древних франков и саксов; наконец, наши вечевые собрания в севернорусских народоправствах Великого Новгорода и Пскова.

Не могут также считаться присяжными по своему происхождению и условиям деятельности *judices jurati* у римлян, старинные немецкие шеффены (*scabini*) и наши «судные мужи» — являвшиеся лишь хранителями правовых преданий и истолкователями юридических обычаев.

Родиной суда присяжных признается Англия, но и там этот суд образовался не сразу в своем настоящем виде, а прошел в своем постепенном развитии три долгих периода: англосаксонский, норманнский и конституционный.

Первоначальный процесс у англосаксов отличался большой простотой. Пойманный с поличным в руках (*hand habend*) или на плечах (*bak barend*) убивался по приказу шерифа или лорда, имеющего судебную власть, без всякого исследования вины, в «пса место», как выражается Русская Правда. Отсутствие поличного давало подозреваемому право представить семь присяжных поручителей (*compurgatores*) о невиновности или, если он был человек несвободный, ручательство своего господина-лорда и двух танов. Против них обвинители — частные люди и представители городских общин и сельских сотен — должны были выставить соответствующее число соприсяжников. При неимении подсудимым соприсяжников он мог в некоторых случаях требовать обвинителя на суд Божий (ордалию) кипящею

водою или раскаленным железом или, в позднейшее время, выходить с ним на судебный поединок (поле).

Судопроизводство свершалось два раза в год во время объезда шерифом своего участка, причем он и участвовавший иногда в заседаниях суда епископ лишь наблюдали за поступлением судебных пошлин, за правильным счетом голосов *compurgatores* и за точным соблюдением обрядов суда Божия. Решение дела вполне зависело от исхода ордалии, поединка или подсчета голосов *compurgatores*. Со времени норманнского завоевания учреждение «королевского мира», устанавливающего исключительную юрисдикцию короля, распространяется все более и более, и на шерифа возлагается обязанность при своих объездах (*scheriffsturn*, от *circuit*) путем последовательных и точно определенных выборов образовать от каждой общины группу в 12 рыцарей и «вольных, непорочных мужей», которые принимают присягу и должны отвечать на ряд вопросов, касающихся внутреннего порядка и безопасности данной местности, и при этом в качестве *recognitores* назвать лихих людей, им ведомых (*male credites de maleficio aliquo*). Последних привлекали к суду, и эти 12 допрошенных шерифом лиц (сходных по своей первоначальной задаче с обыскными людьми нашего старого права), получая название жюри, представляли или излагали устно доказательства виновности подсудимых и изрекали о них правдивое заключение (*vere dictum*).

В период, последовавший за изданием Великой Хартии,

исчезает ордалия, умалывается применение поля и постепенно разграничиваются сливавшиеся прежде в лице присяжных роли обвинителей, свидетелей и судей. Свидетели уже не решают дело, а дают своими показаниями лишь судебный материал, для оценки доказательной силы которого судья, представляющий самостоятельную, не зависимую от шерифа деятельность, дает присяжным руководящие наставления (charge). Сами присяжные как решители фактической стороны дела распадаются на две группы: большое и малое жюри, состоящие каждая из 12 человек. Большое жюри, рассмотрев добытые розыском или представленные потерпевшим данные, решает вопрос о предании заподозренного суду, то есть о передаче дела малому жюри; судит окончательно лишь последнее.

Английскому суду присяжных пришлось пережить большие испытания и выдержать, опираясь на народное правосознание, тяжелую и упорную борьбу. В XVII и XVIII вв. особенно сильно было стремление стеснить свободу суждения присяжных путем их запугивания, дурного обращения с ними и передачи составления их списков от выборных шерифов в руки лиц, назначаемых правительством; при этом было ограничиваемо или по некоторым делам и вовсе упраздняемо право подсудимого отводить присяжных, а сознание у него вымучивалось пыткой (при Стюартах). Тем не менее каждый шаг к упрочению государственного строя Британии (Petition of right, Habeas corpus Act, Bill of rights, Act

of settlement) влек за собою укрепление суда присяжных и расширение сферы его деятельности.

Законом Фокса о преступлениях печати (1797 г.) окончательно признано за присяжными право решать вопрос не только о событии преступления, но и о виновности подсудимого. Начало XIX столетия ознаменовалось в Великобритании многими техническими улучшениями в производстве дел с присяжными, уничтожением различных тягостных формальностей и признанием (закон 1836 г.), что всякий обвиняемый, предстоящий перед судом присяжных, должен иметь защитника.

Введение суда присяжных во Франции было подготовлено, с одной стороны, недовольством устарелым, розыскным, письменным и канцелярским производством застывшего в средневековых формах суда, особенно обострившимся вследствие ряда громких процессов во второй половине XVIII в., а с другой стороны, указаниями и работами энциклопедистов. В то время как Вольтер и д'Аламбер наносили тяжкие удары существующему судебному устройству,

Монтескье и Делольм горячо восхваляли учреждение присяжных в Англии не только как лучший способ раскрытия истины в уголовных делах, но и как гарантию политической свободы. Ту же самую мысль с горячей убедительностью проводил Филанджери в своей «*Scienza della legislazione*». Хотя учредительное собрание 1789 г., уничтожив все специальные, чрезвычайные и исключительные су-

ды, не тотчас ввело суд присяжных, но уже в августе 1790 г. и затем снова в июле 1791 г. этот суд был провозглашен как коренное установление уголовной юстиции, причем обязанность разрешать вопрос о предании обвиняемого суду присяжных была возложена на одного из членов местного коронного суда, носившего название *directeur du jury* и поддерживавшего обвинение на суде.

Однако уже конституция 3 сентября 1791 г. отменила этот порядок и установила, по примеру Англии, два вида присяжных: для предания суду, в числе восьми, и для суждения, в числе двенадцати, избираемых на 15-е число каждого месяца из списка в 200 человек. Стороны пользовались правом отвода без объяснения причин по 20 человек; присяжные совещались в присутствии судьи и публичного обвинителя (комиссара); для обвинительного приговора требовалось 10 голосов. Тогда же был учрежден для регулирования деятельности суда присяжных и образцовый, несравненный французский кассационный суд. Окончательное устройство суда присяжных во Франции в его существенных сторонах совпадает с изданием «*Code d'instruction criminelle*», начатого разработкой в 1804 г. и воспринявшего силу в 1811 г.

Затем, при неоднократной перемене образа правления и характера правительств, видоизменяется ценз присяжных, и подсудность этому суду то расширяется, то суживается (коррекционализируется), но основные начала его устройства остаются неизменными.

В Германии первым проповедником необходимости введения суда присяжных явился во второй половине XVIII в. Юстус Мезер в своих «Патриотических фантазиях» (1776/1786 гг.). Проповедь эта не нашла отголоска, и лишь наполеоновские войны имели последствием введение суда присяжных в рейнских провинциях. Перевороты 1848 г. распространили этот суд в большем или меньшем объеме по всему Германскому союзу, за исключением Австрии и Мекленбурга. Однако существование этой формы суда было в большей части немецких государств лишь терпимо и сопровождалось различными законодательными урезками и сокращением области подсудности. Образование Северогерманского союза укрепило положение суда присяжных в Германии, несмотря на упорную и страстную критику его со стороны ученого государственного человека – Гие-Глунека, открывшего поход против этого «не коренящегося в истории Германии» учреждения. Франко-германская война 1870–1871 гг. перевела борьбу из области юридической литературы в практическую жизнь. Счастливая война с «исконным» врагом доказала, по мнению многих немецких юристов, что Германия и в судебной организации должна опираться на свои национальные учреждения, каковыми в прошлом являлись шеффены – выборные заседатели, составлявшие с судьями одну коллегия, без распределения между собою процессуальных задач. Этот взгляд проник и в законодательство, и суд шеффенов, с оставлением в ведении

присяжных лишь дел о важнейших преступлениях, был введен в Германской империи с 1 ноября 1879 г.

В Австрии суд присяжных введен после поражений 1866 г., в Норвегии – в 1887 г., в Испании – в 1888 г.

В Италию этот суд прошел вслед за орлами наполеоновских полков, но после падения Наполеона удержался лишь в королевстве Сардинском. Объединенная Италия снова ввела его на всей своей территории изданием «Codice di procedura penale» 1865 г. и дополнительных к нему законов 1874 и 1877 гг. Слепому подражанию французскому образцу министр юстиции Вилла в 1880 г. хотел противопоставить многие полезные улучшения, но проект его не прошел, а в 1889 г., под влиянием Германии и ввиду натянутых отношений с Францией, подсудность суду присяжных как «не национального учреждения» значительно сокращена. Дальнейшие проекты «улучшений» суда присяжных министров Боначчи и Тавани ди Календа (1894 г.) грозили еще большей коррекционализацией дел, подсудных ныне присяжным в Италии. Падение Криспи временно приостановило движение в этом направлении.

Введение суда присяжных в России было смелым и исполненным доверия к духовным силам русского народа шагом со стороны составителей судебных уставов, так как ни организация наших дореформенных судов, ни строй наших старых допетровских судебных инстанций не давали исторической точки опоры для введения суда присяжных, кро-

ме разве общего и всестороннего недовольства существующими порядками уголовного производства. Судебные мужи и целовальники эпохи Судебников не могут считаться прототипами присяжных, ибо они вовсе не были судьями в настоящем смысле слова. Судьей, разбиравшим дело и постановлявшим приговор, был воевода, наместник, тиун, а мужи или целовальники «сидели» с ним, чтобы «беречь правду, по крестному целованию, без всякой хитрости», то есть для наблюдения, чтобы суд творился согласно установившемуся обычаю и все происходящее на суде было верно занесено в судебный список. Свидетели всего происходящего на суде, они удостоверяли своей подписью, а в некоторых случаях – и показанием, достоверность содержания судного списка и получали с него копию. Состоя, таким образом, в составе лиц, содействовавших правильному производству суда, они не высказывались, однако, по существу дела. Притом общины, в XVI в. горячо испрашивавшие себе право иметь своих целовальников при суде воевод и наместников, сто лет спустя перестают заботиться об этом праве – и к половине XVII в. утратившие свое значение целовальники совсем сходят со сцены.

Сословная организация старых судов наших представляла участие выборного элемента уже в самом решении дела. Сословные заседатели при постановлении приговора подавали свои голоса наравне с выборным председателем и назначенным от правительства товарищем председателя (в па-

лате уголовного суда). Некоторые юристы-практики (например, Н.И. Стояновский), действовавшие при старых судах, утверждали, что сословные заседатели и даже сенаторы старых судебных департаментов сената являлись судьями только фактической стороны дела и, разрешая вопрос о виновности, предоставляли коронному элементу в лице канцелярии разрешение и разработку вопроса о наказании. С этой точки зрения деятельность судей была, в сущности, деятельностью присяжных заседателей – и составители уставов нашли благодаря этому готовую почву для насаждения организации суда, уже существовавшего много лет, но лишь в другой форме. Такой взгляд не может быть принят.

Сословные заседатели являлись представителями отдельных сословий; присяжные заседатели – представители всех слоев общества. Первые действовали нераздельно с коронными судьями; вторые имеют самостоятельную задачу. Наконец, и это самое важное, сословные заседатели вместе с судьями были связаны правилами о формальных доказательствах, устанавливавшими почти механически меру и вес доказательств для признания подсудимого виновным или для оставления его в более или менее сильном подозрении. Обязанные требовать для подтверждения каждого факта двух достоверных свидетелей (из числа которых закон исключал явных прелюбодеев, людей, портивших тайно межевые знаки, и иностранцев, поведение которых суду неизвестно) и отдавая, по точному предписанию закона, предпочтение по-

казаниям знатного перед незнатным, мужчины перед женщиною, духовной особы перед светскою, заседатели не могли руководиться внутренним убеждением, сложившимся у них по делу, а лишь сводили, руководимые и воспособляемые секретарем – «дьяком, в приказах поседелым», внешний итог предустановленных доказательств. Со введением суда присяжных у нас рухнула теория формальных доказательств, и вывод о виновности, в котором присяжные отдают отчет лишь собственной совести, не приводя письменных оснований, провел резкую разграничительную и отличительную черту между их деятельностью и деятельностью не только сословных заседателей, но даже и коронных судей по судебным уставам 1864 г.

При обсуждении вопроса о введении присяжных в России и в среде законодательных органов, и в самой литературе раздавались тревожные предостережения, указывавшие на политический характер института и на неподготовленность русского народа, значительная часть которого долгие годы была задержана в своем гражданском развитии игом крепостного права. Даже между людьми, искренне желавшими коренного преобразования русского судоустройства, высказывалось сомнение в способности русского народа осуществить как следует эту форму суда. Так, в 1860 г. ученый и талантливый юрист профессор Спасович в публичных лекциях о судебно-уголовных доказательствах приходил к такому выводу: где народ до того нравственно прост, что часто не

разумеет преступности противозаконных деяний, и до того политически прост, что считает суд страшилищем, а осужденных – несчастными, заменяя уважение к закону страхом перед начальственным распоряжением, там не может быть и речи о суде присяжных, нужно ожидать, чтобы культурное развитие русского народа сделало существенный шаг вперед. Но составители судебных уставов разделили взгляды Д.А. Ровинского, высказанные им в записке «Об устройстве уголовного суда», и твердую веру С.И. Зарудного в способность народа воспринять суд присяжных.

Они вместе с этими двумя замечательными деятелями нашли, что народ считает осужденного несчастным преимущественно вследствие недоверия к правосудию старого, дореформенного суда и к добросовестности полиции, производящей следствие, – и уже после суда выражает идущему в каторгу, при тогдашних в высшей степени тягостных условиях следования, сострадание подаянием в силу глубокой нравственной и христианской потребности.

Участие в суде в качестве присяжного заседателя, являясь в Англии политическим правом и вместе общественной обязанностью, во Франции и России – повинностью, в Германии – несением почетной должности (Ehrenamt), обусловлено возрастом, имущественными и нравственными требованиями. В Англии присяжными имели право быть все не опороченные по суду грамотные граждане от 21 до 60 лет,

имеющие ежегодный доход от 30 до 50 фунтов стерлингов; во Франции призывались в качестве присяжных грамотные, граждански и политически полноправные и не находящиеся в личном услужении люди от 30 до 70 лет, в Германии – полноправные германские подданные в возрасте от 30 до 65 лет, не состоящие под судом, угрожающим лишением почетных прав, не ограниченные по суду в свободном распоряжении имуществом, не состоящие и не состоявшие за три последние года на иждивении кассы для бедных и не лишенные возможности нести расходы, сопряженные с исполнением обязанностей присяжного заседателя. В России в списки присяжных заседателей вносились русские подданные в возрасте от 25 до 70 лет, умеющие читать по-русски и живущие в местности избрания не менее двух лет. Не допускались в присяжные находящиеся под судом и осужденные за деяния, влекущие наказание не ниже тюрьмы, а также не оправданные судебными приговорами за такие деяния; исключенные из службы по суду, из духовного ведомства – за пороки и из среды обществ и дворянских собраний – по приговорам своих сословий; несостоятельные должники и состоящие под опекою за расточительность; слепые, глухие, немые и лишенные рассудка; домашняя прислуга и впавшие в крайнюю бедность. Не подлежали призыву в качестве присяжных священнослужители и монашествующие; лица, занимающие должности первых четырех классов в гражданском ведомстве; чины судебных мест и прокуратуры, кроме почетных мировых

судей; правительственные казначеи, кассиры государственного банка и их помощники, экзекуторы, смотрители казенных зданий, лесничие казенных лесов, акцизные чины, уездные почтмейстеры и начальники железнодорожных и телеграфных станций, где у них нет помощников, чиновники полиции, учителя и начальники народных, церковно-приходских и городских училищ, чины карантинных учреждений, вице-губернаторы и все военные чины, состоящие в действительной военно-сухопутной или морской службе, за исключениями, перечисленными в законе.

Имущественный ценз русских присяжных заседателей определялся: по недвижимой собственности (поземельная – не менее $1/20$ числа десятин, определенного для выбора в земские гласные; городская – по оценке в столицах не менее 2000 руб., в городах с населением свыше 100 тыс. – не менее 1000 руб., в остальных – не менее 500 руб.); по доходу с капитала или занятия или же по размеру пенсии или жалованья (в столицах – не менее 1000 руб., в городах с населением свыше 100 тыс. – не менее 600 руб., в остальных местах – не менее 400 руб. в год; эти последние цифры дохода были первоначально проектированы гораздо ниже, но увеличены Государственным советом при обсуждении проекта уставов, а в 1887 г. подняты более чем вдвое). Прежняя служба давала право быть внесенным в список присяжных лицам сельского состояния, занимавшим беспорочно, не менее трех лет, высшие должности по волостному, сельскому, станичному

и поселковому управлению или бывших судьями при этих управлениях, а также церковными старостами или гласными земских собраний.

Составление списков присяжных было возложено в Англии на местные приходские власти, представляющие составленный ими список малому съезду мировых судей, который по проверке его и исправлении по жалобам препровождает его шерифу, приглашающему, согласно этому списку, по порядку записи имен, надлежащее число присяжных для каждой сессии. Во Франции составление списка возлагалось на кантональную (в Париже – участковую) и затем окружную (arrondissement) комиссии. В Германии составлялся сначала в общинах общий список (Urliste), проверяемый особой выборной комиссией под председательством участкового судьи (Amtsrichter) и уже в качестве предлагаемого (Vorschlagsliste) списка препровождаемый в местный суд (Landgericht), где из него после новой проверки и удовлетворения жалоб составляется годовой список (Jahresliste), служащий основанием для избрания по жребию в публичном заседании суда 30 присяжных, входящих в состав так называемого Spruchliste.

В России система выборов присяжных и при ее первоначальном обсуждении, и при дальнейшем осуществлении подвергалась неоднократным законодательным изменениям, не всегда успешным в смысле достижения действительно и притом беспристрастного привлечения к отправлению

уголовного правосудия всех к тому обязанных. Перед Октябрьской революцией 1917 г., упразднившей суд присяжных, общие списки составлялись ежегодно к 1 июля, в алфавитном порядке, по каждому уезду отдельно, относительно уездных землевладельцев – председателем уездной земской управы, относительно городских владельцев недвижимым имуществом и купцов – городским головою, относительно крестьян – земским начальником или чиновниками местных по крестьянским делам учреждений, относительно всех прочих – местным полицейским начальством. Уездная комиссия по составлению очередных списков, состоящая под председательством уездного предводителя дворянства из лиц судебного и судебно-административного ведомства, высших местных представителей полиции, товарища прокурора, городского головы, председателя уездной земской управы и трех лиц, избираемых уездными земскими собраниями (в столицах и Одессе ввиду сохранения в них мирового института состав комиссий имел соответствующие видоизменения, и выбор трех депутатов производился в соединенном заседании земского собрания и городской думы), выслушав и оценив уважительность заявлений о неправильном занесении или незанесении в общий список, публикуемый к 1 октября каждого года (губернаторы Северо– и Юго-Западного краев имели право в срок с 1 августа по 1 сентября исключать из общего списка занесенных туда лиц без объяснения причин), составляла очередной список, сообра-

жаясь с требованиями, предъявляемыми к присяжным законом, и с нравственными качествами занесенных в общий список лиц, а также пополняя этот список теми, кто по упущениям или неправильностям составителей общих списков в них не внесен. Количественный состав присяжных каждой очереди был следующий: для Петербурга с его уездом – 2400 человек, для Москвы с ее уездом – 1800, в уездах, где предполагается четыре сессии присяжных, – 240 человек, а где предполагается более четырех сессий – то же число с прибавлением по 40 человек на каждую лишнюю сессию. Та же комиссия составляла список запасных заседателей, внося в него на каждую предполагаемую сессию по 6 лиц непременно из обывателей тех городов, где происходили заседания.

Списки – очередной и запасной – публиковались в местных ведомостях в первых числах декабря и отправлялись к председателю окружного суда. От суда зависело разрешение всех жалоб на неправильное внесение в списки и просьб об освобождении от обязанностей присяжного заседателя, а также о переносе исполнения этой повинности из одного периода заседаний в другой. По общему правилу, никто не мог быть призван к исполнению этой обязанности более одного раза в год и каждый имел право требовать освобождения от нее в год, следующий за годом, в течение которого она была им действительно исполнена.

В Западном крае, Новороссии, Крыму, Полтавской, Херсонской и Таврической губерниях число евреев, вносимых

во всякого рода списки присяжных, должно было соответствовать процентному отношению еврейского населения к общему числу населения в каждой данной местности, подведомственной комиссии.

Существенным правом сторон являлся отвод присяжных, из которых должен быть выбран состав присутствия по каждому делу. Ему предшествовало исключение из списка, составленного на период заседаний, в распорядительном и затем в особом публичном заседании (до приведения заседателей к присяге на весь период и объяснения им их прав и обязанностей), всех неправильно внесенных, имеющих право на освобождение от исполнения обязанностей по законным основаниям, а также всех, не явившихся по причинам, предусмотренным в законе. Причины эти по действовавшему тогда уставу уголовного судопроизводства: лишение свободы, непреодолимое препятствие к явке, внезапное разорение от несчастного случая, смерть или тяжкая, грозящая смертью болезнь родителей, мужа, жены или детей, командировка или особое поручение по службе, случаи, грозящие неизбежным разорением хозяйству, торговле или промыслу при отсутствии хозяина, необходимость присутствовать в земских собраниях в качестве гласного и, наконец, несвоевременное, менее чем за неделю, получение повестки о вызове в суд.

Судебная практика по толкованию степени доказательности и точного значения этих причин представляла в первые

годы после издания Судебных Уставов чрезвычайное разнообразие и в некоторых случаях – нежелательную широту. Последовательными разъяснениями уголовного кассационного департамента практика эта значительно упорядочена. Не явившиеся без законных причин присяжные подвергались ряду последовательных взысканий (в первый и второй раз – денежный штраф от 10 до 200 р., в третий – предание суду как за должностное преступление). Как эти присяжные, так и не явившиеся по законной причине, вносились в список одного из следующих периодов местных заседаний.

Выбор присяжных по каждому делу – за устранением по их личному проверенному и уваженному судом заявлению о причинах, требующих отлучки, или об отношениях их к подсудимому и потерпевшему, препятствующих быть судьей, – производился по списку оставшихся очередных присяжных, дополненному по жребию, вынимаемому председателем, до числа 24 из списка запасных.

Отвод присяжных из окончательно составленного судом списка, то есть устранение из числа будущих судей без объяснения причин тех лиц, беспристрастия или способности которых почему-либо не доверяют обвинитель или подсудимый, составляет резкое отличие суда присяжных от суда коронного и вместе с тем его характерную, неизбежную особенность. Практика английского процесса, наряду с отводом с объяснением причин как целого списка присяжных (вследствие неправильных действий его составителей), так и от-

дельных присяжных (например, при опорооченности приговором или предполагаемом пристрастии), допускала, за исключением дел о маловажных преступлениях, и немотивированный отвод отдельных присяжных до привода их к присяге.

С английской практикой сходна в главных основаниях североамериканская, допускавшая, между прочим, мотивированный отвод вследствие доказанных предвзятости суждений присяжного по предстоящему делу или предубеждения его против смертной казни. Во всей остальной Европе, за исключением Австрии, была принята лишь система немотивированного отвода присяжных, занесенных в сообщенный сторонам список. В Германии и Франции, по общему правилу, стороны (в первой – сначала прокуратура, во второй – сначала подсудимый) могут отвести из списка в 36, 30 или 24 лица, из которого должны быть выбраны 12 присяжных, по половине остающегося сверх этой цифры числа, заявляя об отводе гласно при вынимании каждого имени из жеревьевой урны. В Италии стороны устно, но при закрытых дверях, имели право отвести по 8 человек. В России отвод производился вычеркиванием из списка присяжных каждой стороной (прокурором или частным обвинителем – и подсудимым или его защитником) по три имени. Первоначально это число было вдвое больше, но злоупотребления правом отвода, часто направленные к тенденциозному устранению из состава присутствия лиц, наиболее способных по житейскому

опыту или по степени образования правильно судить о деле, привело к тому, что количество отводимых было сокращено. Судебная практика выработала правила, что если не имеющий защитника подсудимый неграмотен, то он удалялся в особую комнату, где судебный пристав прочитывал ему список и вычеркивал за него отводимых присяжных, а также что слушание дела могло состояться лишь в том случае, когда за отводами останется не менее 18 присяжных, чем обыкновенно и руководствовались стороны. Если подсудимых было несколько, то они пользовались правом отвода трех присяжных заседателей по взаимному между собою соглашению, а при разногласии – по большинству голосов или по жребию. Окончательное образование присутствия (скамьи) присяжных производилось путем жеребьевки по списку оставшихся неотведенных присяжных. Обыкновенно для этого употреблялись непрозрачные ящики или урны. Выбор был обставлен различными формальностями и проверками, гарантирующими его правильность. Всех присяжных избиралось 12 комплектных и 2 запасных, на случай болезни или безусловной необходимости отлучки кого-либо из комплектных.

В Англии выбор запасных был необязателен, но судья имел право по сложным делам собственной властью назначать и более двух запасных. Приведение к присяге перед каждым делом и следующее за ним объяснение присяжным их прав и обязанностей были заменены в России начала XX в. исполнением этих действий при открытии периода за-

седаний, с повторением их для тех лишь присяжных, которые не могли присутствовать в особом публичном заседании перед началом сессии. Этим устранялись бесплодная трата времени и умаление значения присяги от ее слишком частого повторения, обращающего этот священный обряд в механическую формальность.

В Англии перед слушанием каждого дела председатель требовал от присяжных присяги по следующей формуле: «Вы должны судить и постановить правдивый приговор – или правдиво изречь освобождение – по делу между нашим государем королем и подсудимым, стоящим у решетки, и дать правдивый вердикт согласно с очевидностью. Так да поможет вам Бог».

В Германии на слова председателя: «Вы клянетесь Всеведущим и Всемогущим Богом исполнить в деле обвинения против подсудимого обязанности присяжного добросовестно и подать голос по крайнему разумению совести» – каждый присяжный отвечал, подняв правую руку: «Клянусь в этом. Так истинно да поможет мне Бог».

Во Франции каждый присяжный, подняв руку, отвечал утвердительно на слова председателя: «Вы обещаетесь и клянетесь перед Богом и людьми исследовать с самым тщательным вниманием доказательства, предъявленные против подсудимого, не нарушая ни его интересов, ни интересов обвиняющего его общества, не сообщаясь ни с кем до вашего решения, не внимая ни гневу, ни ненависти, ни страху, ни при-

вязанности, решая согласно с поводами обвинения и защиты и следуя вашей совести и внутреннему убеждению с твердостью и беспристрастием, как следует честному и свободному человеку».

Русские присяжные заседатели «обещали и клялись Всемогущим Богом, перед святым Его Евангелием и животворящим Крестом Господним, приложить всю силу своего разума к тщательному рассмотрению как обстоятельств, уличающих подсудимого, так и обстоятельств, его оправдывающих, и подать решительный голос согласно с виденным и слышанным на суде, по сущей правде и убеждению своей совести, не оправдывая виновного и не осуждая невинного, памятуя, что во всем этом должны дать ответ перед законом и перед Богом на Страшном суде Его».

Принесение этой присяги было связано с особою торжественностью; все находящиеся в зале судебных заседаний должностные и частные лица вставали и выслушивали ее стоя, а духовное лицо, приводящее к присяге, внушало присяжным заседателям ощущение ее святости. Если духовного лица инославного или иноверного исповедания не было в месте заседания суда, то его в приведении к присяге заменял председатель; он же отбирал торжественное обещание, соответствующее присяге, от последователей вероучений, не приемлющих присяги.

Права и обязанности присяжных заседателей, вытекающая из присущей им роли решающих судей, были везде более или

менее одинаковы. Они имели равное с судьями право на осмотр следов преступления, поличного и вещественных доказательств, могли требовать от председателя всякого рода разъяснений, делать письменные заметки и предлагать, через председателя же, вопросы всем допрашиваемым лицам. При возобновлении приостановленного для собрания дополнительных сведений заседания по их требованию могли быть возобновлены и некоторые судебные действия или все судебное следствие с самого начала.

В Германии и в России присяжным принадлежало право делать дополнения или замечания по поводу постановляемых на их разрешение вопросов; в случае их о том требования им предоставлялось время для обдумывания своих возражений по вручаемому им списку вопросов.

Вместе с тем устанавливался ряд правил, особенно строгих в Англии и Северной Америке, для ограждения присяжных от всякого постороннего на них влияния. Им вменялось в обязанность (в России – под угрозой денежного взыскания) не оставлять залы заседаний и комнаты совещаний, не собирать сведений по делу вне судебных заседаний и сохранять тайну голосования. Решение свое присяжные повсюду, кроме Англии, постановляли по всякому подлежащему, согласно подсудности, их рассмотрению делу, причем, по общему правилу, признание подсудным своей вины не лишало их права потребовать подробной проверки этого признания, то есть производства судебного следствия. Только в Ан-

глии в случае признания подсудимого себя виновным он судился без присяжных, и от усмотрения судьи зависело допросить кого-либо из свидетелей и экспертов или же прямо приступить к постановлению приговора. Английский судья в высокой заботе о правильности производства суда и движимый исключительно целями правосудия не торопился, впрочем, пользоваться тем, что подсудимый «pleads guilty» и что вместо долгой процедуры с участием присяжных можно ограничиться одним применением наказания. Английская судебная практика знает множество случаев, где судья разъяснял подсудимому все последствия признания им своей вины, указывал на ее оттенки и возможность иной квалификации его деяния, а иногда прямо заявлял, что под вопросом о признании себя виновным следует разуместь лишь вопрос о том, представляются ли подсудимому собранные против него доказательства столь неопровержимыми, что защита против них и опровержение их кажутся ему невозможными. Для облегчения постановления решения присяжным и сейчас вручаются вопросы о виновности подсудимого, вменяемости его и событии преступления, постановке которых в Австрии, России, Италии и Германии предшествует руководящее напутствие председателя. В Англии присяжные отвечают не на такие вопросы, а вообще на весь обвинительный акт против подсудимого, выражая свое согласие и несогласие с этим актом словами «guilty» или «not guilty» (в Шотландии употребляется еще третий термин, «not proven» – не до-

казано). Речь английского судьи, руководящего присяжными, направлена на выяснение им силы, значения и характера представленных по делу доказательств, оценка которых сложилась годами судейского опыта в целую систему, в своего рода обязательные правила (rules of evidence). В Германии руководящее напутствие, не вдаваясь в оценку доказательств, разъясняет присяжным лишь правовую сторону дела, в Италии, наоборот, – лишь фактическую. Гораздо шире задача напутствия в Австрии по уставу 1873 г. и в особенности в России, где оно обнимало не только юридическую, но и фактическую сторону дела, давая в то же время и общие начала для суждения о силе доказательств, с воспрещением, однако, председателю высказывать свое личное мнение о вине или невинности подсудимого. При отсутствии защиты по большинству уголовных дел в России такой объем руководящего напутствия при добросовестном исполнении председателем своих обязанностей представлял необходимый корректив для правильного отправления правосудия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.